

ТАТЬЯНА ИВАШИНА, доцент
Киевский Международный университет

МЕТАФОРА ДЖУНГЛЕЙ КАК СПОСОБ ПРЕЗЕНТАЦИИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ПЕСЕННОЙ ЛИРИКЕ

Статтю присвячено вивченню шляхів презентації урбанізованого простору у сучасній англійській пісенній ліриці. Основну увагу сфокусовано на використанні когнітивної метафори CITY IS JUNGLE для відображення соціокультурної реальності Нью-Йорка. Окрему увагу приділено явищу метафтонімії. Окреслено основні когнітивні моделі, що виникають внаслідок метафорично-метонімічного синтезу.

Ключові слова: пісенна лірика, метафора, метонімія, метафтонімія, концепт, фрейм, мегаполіс, (мега)урбанізований/міський простір, Нью-Йорк.

This article is devoted to studying the ways of urban space presentation in contemporary English-language song lyrics. The main focus is on use of the metaphor CITY IS JUNGLE as a way of cognitive modeling of New York sociocultural reality. Special attention is paid to the phenomenon of metaphonymy. It has been singled out as the cognitive model arising in result of metaphorical-and-analogical synthesis.

Keywords: song lyrics, cognitive / conceptual metaphor, metonymy, metaphonymy, concept, (mega/sub)frame, metropolis, (mega)urbanized / urban space, New York.

Светлой памяти Татьяны Сергеевны Волковой,
Учителя и Друга.
Место есть нечто.
Аристотель.

Характерной особенностью развития гуманитаристики на рубеже XX и XXI в. является возрастание интереса к проблемам топологии культуры и формирование *геопозтики* как нового модуса гуманитарных исследований. Благодаря этому в центре внимания ученых оказываются «образы географического пространства в индивидуальном творчестве», а также городские и – шире – локальные (сверх)тексты, формирующиеся в национальных культурах как «результат освоения отдельных мест, регионов географического пространства и концептуализации их образов» [1, с. 17]. Такие сверткестовые единства структурируются, как правило, вокруг определенной «топологической структуры» [14] – пространственно-географического концепта как «кванта знания» [10, с. 90], объективируемого в языковой картине мира прежде всего посредством *имени* – названия соответствующей топографической реалии, взятой в перспективе ее культурных коннотаций.

Один из таких «квантов знания» репрезентируется в культуре посредством урбанонима *НЬЮ-ЙОРК* (англ. *NEW YORK / NEW YORK CITY*) – имени города, расположенного на восточном побережье США. Поскольку Нью-Йорк, являясь одним из трех крупнейших мировых финансовых (наряду с Лондоном и Гонконгом) и культурных центров, имеет статус *мегаполиса мирового значения*, концепт *NEW YORK* входит в число важнейших составляющих картины мира американцев, а также всего англоговорящего – и не только англоговорящего – мира. В этом, очевидно, заключается главная причина того, что в последние годы урбаноним *NEW YORK (NY) / NEW YORK CITY (NYC)* в его культурологическом, семиотическом, ментальном измерениях начинает постепенно вызывать интерес ученых – литературоведов и лингвистов. И хотя на сегодняшний день не зафиксировано попыток структурировать Нью-Йоркский текст литературы / культуры, презентуемый посредством урбанонима *Нью Йорк / New York*, данный «квант знания» уже мыслится как культурный концепт (об этом свидетельствует, в частности диссертационное исследование И. Матвеевой

[13], статья Н. Беловой [2] и др.) – наряду с такими концептами, как *ПАРИЖ*, *ПЕТЕРБУРГ*, *ВЕНЕЦИЯ*, *ТАЛЛИНН* и т.д.

В свете избранной темы исследования представляется целесообразным отметить, что в современной гуманитаристике изучение способов вербализации «городских» концептов, в том числе и концепта *НЬЮ-ЙОРК* / *NEW YORK*, происходит по преимуществу, на материале художественной литературы, вследствие чего вне поля зрения исследователей и ученых остаются целые пласты вербальных реализаций данного концепта в различных формах массовой культуры, в частности, в песенной лирике, которая также является результатом «социально ориентированной знаковой деятельности» человека» [16] и «вместилищем информации, которая должна быть [из нее – Т.И.] извлечена» [12, с. 35]. Представляя собой «вербальный текст, оформленный в письменной или устной форме» [25, с. 242], песенная лирика отражает менталитеты своих создателей и их (создателей) ценностную ориентацию в культуре не менее четко, чем элитарная литература.

С учетом отмеченного выше, в качестве **объекта** исследования в данной статье были избраны тексты англо-американской песенной лирики, содержащие вербальные репрезентации концепта *NEW YORK*.

Поскольку на сегодняшний день общепризнанным является тезис о многообразии и разнородности языковых реализаций концепта, **предмет** изучения в предлагаемой статье составляет когнитивная (концептуальная) метафора, в частности, метафора *JUNGLE* (*ДЖУНГЛИ*), при помощи которой культурное сознание Новейшего и Сверхнового времени *регулярно* фиксирует характерные проявления феномена мегаурбанизации, наиболее «знаковое» из которых ассоциируется именно с Нью-Йорком.

Однако при всей интенсивности использования данной метафоры в англоязычной лингвокультуре, она ни разу не становилась объектом системного научного исследования. Подобное обстоятельство, а также становление геопоэтики и интенсивные разыскания современных исследователей в области изучения метафоры обуславливают **актуальность** избранной темы.

Цель предлагаемой статьи заключается в попытке рассмотрения метафоры *JUNGLE* как способа презентации мегаурбанизированного пространства и Нью-Йорка как его знакового воплощения в англоязычной песенной лирике, взятой в качестве неотъемлемой составляющей современной американской лингвокультуры.

Данная цель обусловила постановку следующих **задач**:

- конкретизировать понятие «когнитивная метафора»;
- обозначить сферу-источник и основные этапы становления метафоры *CITY IS JUNGLE* в культурном сознании Новейшего времени;
- рассмотреть метафору *JUNGLE* как способ концептуализации высокоурбанизированного городского пространства, сопоставив ‘когнитивную топологию’ (в терминах Д. Лакоффа) сферы-источника и сферы-мишени.

В качестве отправной точки отметим, что становление когнитивного подхода к метафоре происходит в интеллектуальном пространстве Запада в последнюю треть XX века в трудах М. Блэка, Д. Джемисона, Дж. Джейнса, Д. Осборна, Э. Кассирера, Э. МакКормака, Х. Ортега-и-Гассета, П. Рикера, М. Эриксона и др. Однако знаковой для формирования целостной теории когнитивной (концептуальной) метафоры становится книга Дж. Лакоффа и М. Джонсона “*Metaphors We Live by*” (1980), в которой была представлена теория, «привнесшая, – по справедливому замечанию Э.В. Будаева, – системность в описание метафоры как когнитивного механизма» и продемонстрировавшая «большой эвристический потенциал применения» данной теории в практическом исследовании [5, с. 21]. Основанная на отмеченной еще Аристотелем способности метафоры «проникать в сущность вещей» [11, с. 213], концептуальная метафора, по мнению исследователей, зиждется на иных, отличных от отмеченных Аристотелем, принципах и механизмах.

Основоположным в этом плане является тезис, сформулированный Дж. Лакоффом в работе “*Contemporary Theory of Metaphor*” о том, что сущность метафоры коренится совсем не в языке, а в том способе, которым воспринимающее сознание концептуализирует один ментальный домен (mental domain) в терминах другого, вследствие чего слово ‘метафора’ позиционируется как междоменное отображение (a cross-domain mapping) в концептуальной системе» [29, с. 202]. Развивая это положение американского лингвиста, А. Соснин отмечает, что когнитивная метафора – «это не образное средство, связывающее два значения слова, а основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать возможности структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы» [18, с. 31].

Таким образом, концептуальная метафора не является случайной или сугубо риторической, поскольку, выступая механизмом познания и формой мышления, она, согласно Лакоффа, основана

на систематическом, «онтологическом соответствии» и представляет собой «общий принцип», регулирующий образ реальности в мысли [28, с. 202]. В качестве таковой, когнитивная метафора представляет собой «способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [21, с. 43]. Она задает определенные ‘эмпирические рамки’, внутри которых сознание осваивает новоприобретенное знание, категоризированное посредством сети концептов – ‘когнитивной карты’.

В этой связи представляется уместным подчеркнуть, что, как неоднократно отмечали ученые, в основе феномена концептуальной метафоры лежит *взаимодействие между фреймами* сферы-источника и сферы-мишени [5], как *структурами данных* (по М. Мински) для представления *стереотипной* ситуации. При этом во фрейме закрепляется ‘эпизод знания’ общий, согласно Н.Н. Болдырева, как минимум, для части говорящего сообщества и разделяемый достаточным количеством людей [4, с. 30].

Подобное *фреймовое знание* определяет одну из важнейших особенностей концептуальной метафоры в сравнении с риторической. При этом в процессе когнитивного метафорического моделирования нового знания могут быть задействованы целые структуры концептуальных доменов, а не только их отдельные элементы [22].

Отмеченные аспекты теории когнитивной метафоры содержат некоторые методологически значимые для нас положения: 1) в процессе метафоризации проекция одной концептуальной области в другую осуществляется через наложение на метафоризируемый объект фреймов, которые отбираются ‘когнитивным агентом’ из сферы-донора согласно определенной «модели культурно-обусловленного, канонизированного знания» [4, с. 30]; 2) при метафорическом переносе имеет место отображение (проекция) «не изолированного имени, а целой концептуальной структуры (фрейма, модели, сценария), активируемой в сознании некоторым словом [в нашем случае урбанонимом *NEW YORK* – Т.И.] благодаря конвенциональной связи данного слова с концептуальной структурой» [17, с. 69].

Таким образом, на современном этапе развития гуманитарного знания метафора рассматривается прежде всего «как *ментальная* операция над концептуальными структурами, как отражение в языковой форме способов и результатов познания, структурирования и оценки мира» [8, с. 10], в нашем случае – мира мегаурбанизированной реальности Нью-Йорка. При этом «анализ метафорических образов», согласно А. Чудинова, является «способом постижения индивидуального, группового и национального самосознания» [22, с. 12]. Важную роль в этом процессе играет когнитивный контекст, которым окружена концептуальная структура и который активизируется в сознании носителей языка [8, с. 11].

Обратимся теперь непосредственно к метафоре (*NEW YORK*) *CITY IS JUNGLE*. Как средство, реализующее понимание такой области опыта как реальность мегаполиса, с точки зрения «совершенно иной области опыта» («a very different domain of experience») [28, с. 205], репрезентируемой лексемой *jungle*, рассматриваемая метафора включает в себя: а) домен-источник – фрагмент действительности, репрезентируемый лексемой *JUNGLE* в ее первоначальном значении; б) домен-мишень – урбанизированную реальность Нью-Йорка; в) систему фреймов, посредством которой осуществляется взаимодействие данных доменов; г) метафорическое окружение / контекст / рамку (frame) [26, с. 21]; 5) дискурсивный компонент – то, что Е.Ю. Воякина характеризует как «прагматический потенциал метафоры, ее связь с социумной ситуацией и с мировоззрением субъектов коммуникации» [8, с.12].

С точки зрения сферы-донора метафора *JUNGLE* может быть идентифицирована как *биогеографическая* метафора. Современное английское слово *JUNGLE*, в его транслитерированном варианте вошедшее практически во все развитые языки мира, репрезентирует в современном культурном сознании один из природных *биомов* – «крупных региональных или субконтинентальных биосистем, характеризующихся каким-либо основным типом растительности или другой характерной особенностью ландшафта» [15, т. 1, с. 14]. Отличительной чертой биома джунглей являются непроходимые густые тропические / субтропические леса с чрезвычайно высокими (до 40 м) деревьями и кустарниками, перевитыми древесными лианами.

Слово *jungle* было заимствовано из хинди (*džāngāl*), где имело значение ‘необработанная (дикая) земля’. Этимология слова восходит к санскриту, в котором слово ‘jāngala’ имело значение ‘дикость’ (англ. *jungle* < хинди *džāngāl* < санскр. *džāngala*) [31]. В широкое употребление в лингвокультурах западного мира оно вошло благодаря англичанам-колонистам, которые использовали его для обозначения бамбуковых болотистых лесов Индостана и дельты реки Ганг. Впервые в английском языке оно зафиксировано в 1776 г. [32]. С течением времени слово «джунгли» приобрело более широкое значение и стало употребляться как общий термин для обозначения труднопрохо-

димых тропических и субтропических лесов с густой и пышной растительностью – не только на полуострове Индостан, но и в Индокитае, Центральной Африке, Южной Америке, Австралии. В значении «земля, густо заросшая дикой растительностью», слово ‘джунгли’ впервые в англоязычном пространстве зафиксировано в 1849 г. Параллельно отметим, что в восточнославянском пространстве данная лексема впервые была зафиксирована в словаре А.Д. Михельсона (1865) в значении «Индийские равнины, поросшие травой и прорезанные болотом и лесом» [31].

Первым известным случаем использования лексемы ‘jungle’ в качестве ‘слова-эрзаца’ (термин Л.Д. Гудкова [9, с. 274]), замещающего «конструкцию первичного опыта», считается т. наз. ‘социологический’ роман американского писателя Эптона Синклера (Upton Sinclair) “The Jungle”, вышедший в свет в 1905 году. Вынесенная в заголовок произведения, лексема ‘jungle’ стала контекстуальным обозначением «вторичного опыта» [9, с. 275], выразив сущность действительности Чикаго нач. ХХ в., в которой автор произведения видел воплощенную механику ‘негативной селекции’ эмигрантов, абсолютно вписывающуюся в представления о ‘законе джунглей’ в том виде, в котором они на тот момент сложились в картине мира американцев – ‘насилие и произвол’.

В современной культурном сознании отмеченные *социальные* обертоны данной метафоры определяют один из мегафреймов взаимодействия сферы-донора и сферы-цели в процессе метафорической концептуализации высокоурбанизированного пространства как «ПРОСТРАНСТВО БОРЬБЫ ЗА ВЫЖИВАНИЕ» (мегафрейм А), сравн.: *It's like a jungle out here, // so much struggle out here // <...> In the streets of New York* (Alicia Key. “Streets of New York” lyrics), а также составляющие его фреймы «БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ» (фрейм I) и «ПРОСТРАНСТВО ОПАСНОСТИ» (фрейм II).

Содержание данных фреймов конкретизируется посредством целого ряда *субфреймов*, представляющих более частные ситуации, – таких, как «ПРОТИВОСТОЯНИЕ, ВРАЖДА, КОНКУРЕНЦИЯ» (субфрейм 1); «МЕСТО НАИБОЛЕЕ АКТИВНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ» (субфрейм 2); «ЛОКУС НАИБОЛЬШЕЙ ОПАСНОСТИ» (субфрейм 4); «ВРЕМЯ, КОГДА ОПАСНОСТЬ НАИБОЛЕЕ РЕАЛЬНА» (субфрейм 3); «ИСТОЧНИК ОПАСНОСТИ / УГРОЗЫ» (субфрейм 5); «СПОСОБ ИЗБЕЖАТЬ ОПАСНОСТИ» (субфрейм 6), сравн.: *The city is a jungle, you better take care! / Never walk alone after midnight!* (АВБА. “Tiger”) и т.д.

Во второй пол. ХХ века стремительный рост территорий и повышение ‘этажности’ американских городов, определившие знаковые черты современного городского ландшафта, приводят к расширению когнитивного пространства взаимодействия концептов *JUNGLE* и *CITY*, в частности посредством установления между ними проекционных отношений, структурирующихся в «ВИЗУАЛЬНЫЙ» мегафрейм (мегафрейм В), в основе которого лежат *зрительные* ассоциации (физическая протяженность, характерные контуры и силуэты, ‘вещные’ реалии и т.д.). «Характерность» и «типичность» (по Т. ван Дейку [подробн. см.: 6, 16-17]) отмеченного ‘фрагмента знания’ для канонизированной в культурном сознании (по крайней мере, западного мира) модели мегаполиса подтверждают слова немецкого философа-феноменолога Б. Вальденфельса о том, что «когда речь заходит о *большом* городе, перед нашим мысленным взором снова и снова всплывает **образ необозримых и непроходимых зарослей** или **джунглей**» [5, с. 347]. Существенным в этом плане представляется нам и наблюдение П. Лангера, который, комментируя выводы Л. Вирта (Wirth [29]), подчеркивал, что «определяющими чертами представлений о городе всегда были **размер** и **скученность**» (“**Size and density** have always been regarded as defining city” [29, с. 97]).

Приведенные высказывания ученых позволяют четче осознать и выделить ‘скелетные формы’ *визуального* облика мегаполиса, которые фиксируются в процессе метафорического переноса при помощи конструкции ‘первичного опыта’ *JUNGLE* и структурируются во фреймы, составляющие мегафрейм «ВИЗУАЛЬНЫЙ». Прежде всего это касается такой протопической черты как *чрезвычайная физическая протяженность*. В структуре метафорического концепта *CITY IS JUNGLE* этот фрагмент знания охватывается субфреймом «SIZE / РАЗМЕР», сравн.: *We're all living in a big city jungle...* (“Big City Jungle”, группа “Razorback”)

Кроме этого, зафиксированное в конструкции ‘первичного опыта’ эмпирическое знание о джунглях как об огромных природных территориях с густой и буйной тропической растительностью, ассоциируется с представлениями о «любой беспорядочной массе или скоплении объектов» или «нагромождении» (“*any confused mass or agglomeration of objects; jumble*” [32]). Спроецированный на типической черты внешнего облика большого города, этот ‘эпизод знания’ структурируется в субфрейм «ВЫСОКАЯ ПЛОТНОСТЬ ЗАСТРОЙКИ / AGGLOMERATION» (субфрейм 7). Ярким примером актуальности данной моделирующей прототипической черты является пространственная метафора «DOWNTOWN JUNGLE» («ДЖУНГЛИ ДАУНТАУНА»), используемая Ж. Бодрийаром в его эссе «Amérique» (1986). С ее помощью французский философ характеризует *скоп-*

ление небоскребов в деловых центрах (downtown) американских мегаполисов как одну из самых «неевропейских» черт американской городской среды [3, с. 84].

Точкой референции при осуществлении метафорического переноса *JUNGLE*→*CITY*, которая выбирается ‘когнитивным агентом’ из конструкции ‘первичного опыта’ с целью моделирования нового знания, является также знание о перенасыщенности пространства джунглей объектами фауны и флоры. В процессе когнитивного моделирования социокультурной реальности мегаполиса эта прототипическая черта определяет субфрейм «ПЕРЕПОЛНЕННОСТЬ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЛЮДЬМИ И ВЕЩАМИ / JUMBLE» (субфрейм 8).

Благодаря наличию отмеченного субфрейма, метафора «ГОРОД КАК ДЖУНГЛИ», частным случаем которой является метафора «НЬЮ-ЙОРК КАК ДЖУНГЛИ», входит в число четырех ключевых («классических», по определению Е. Трубиной [19]) метафор города, выделяемых в современной антропологии и социологии, – наряду с метафорами *БАЗАРА*, *МАШИНЫ* и *ОРГАНИЗМА* (*A BAZAAR, A MACHINE, AN ORGANISM* [29, с. 97]). Наличие субфреймов 7 и 8, которые фиксируют хаотичность, ‘перемешанность’, беспорядочность, ‘загроможденность’ городского пространства, также определяет негативные оценочные коннотации данной метафоры.

В ходе нарастания процессов мегаурбанизации языковое сознание пытается зафиксировать *отличительные* особенности *материальной природы* городского – как *искусственного* – ландшафта. Подобная тенденция приводит к усложнению структуры рассматриваемой метафоры путем активного использования механизма *спецификации*, и как следствие – к появлению у нее дополнительных метафорических слов, отмеченных стремлением к некоей «материально-вещественной» идентификации городского пространства, выявлению его *ДОМИНИРУЮЩЕЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ СУБСТАНЦИИ* (фрейм VI) – как пространства НЕ-естественного, искусственного. Прототипический эффект в данном конкретном случае достигается главным образом посредством *метонимизации* (часть-целое) характерных примет городского ландшафта. Так возникают метафоры *ASPHALT JUNGLE / АСФАЛЬТОВЫЕ ДЖУНГЛИ*, *NEON JUNGLE / НЕОНОВЫЕ ДЖУНГЛИ*, *CONCRETE JUNGLE / БЕТОННЫЕ ДЖУНГЛИ*, определяющие основу соответствующих субфреймов (см. табл.: субфреймы 9-11), составляющих фрейм «ДОМИНИРУЮЩАЯ МАТЕРИАЛЬНАЯ СУБСТАНЦИЯ». С учетом специфики ментальных операций, применяемых с целью категоризации нового знания, названные структуры являются результатом одновременного действия метафорического и метонимического переносов, «*метафтонимии*» (‘metaphonymy’; в терминах Л. Гуссенса [27]), т.е. интеграции метафоры и метонимии, возможность которой (интеграции) определяется тем, что и в основе метафоры, и в основе метонимии лежит *ассоциативный* принцип [24, с. 194]. При этом «когнитивное понимание метонимии рассматривается как проекция смежных элементов одного концептуального домена, а метафоры – как проекция элементов разных концептуальных доменов» [24, с. 194].

С точки зрения особенностей взаимодействия метафорического и метонимического принципов в процессе подобного синтеза, метафоры *ASPHALT JUNGLE*, *NEON JUNGLE*, *CONCRETE JUNGLE* соответствуют одному из типов, выделенных Л. Гуссенсом, когда метонимические отношения локализованы *внутри метафоры* [подробнее см.: 27, с. 349-377]. Более четко данный вид блендинга может быть идентифицирован на основе классификации, разработанной Р. Устархановым, – как «метонимия на базе метафоры с сохранением метафорического конституента» [20, с. 19]. Поэтому представляется вполне закономерным, что метафоры-инварианты *ASPHALT JUNGLE*, *NEON JUNGLE*, *CONCRETE JUNGLE*, структурирующиеся в соответствующие субфреймы, сохраняют в своем смысловом поле фреймы, а также субфреймы, свойственные базовой метафоре *CITY IS JUNGLE*, – такие, в частности, как «ПРОСТРАНСТВО ОПАСНОСТИ», «ИСТОЧНИК ОПАСНОСТИ», сравн.: *Concrete jungle, animals are after me // Concrete jungle, it ain't safe on the streets* (группа «The Specials». “Concrete jungle”); «ВЫЖИВАНИЕ», сравн.: <...> *it's hard to survive when your living // In a concrete jungle* (Skee-Lo. “I Wish”) и т.д.

При этом базовая *метафора (NEW YORK) CITY IS JUNGLE* обогащается новыми фреймами, обусловленными спецификой привлекаемых смежных областей, сравн.: *Angylene // Your broken soul in the neon jungle* (группа «Shark Island», lyrics “Shake for me”); *I've got to pick myself from off the ground // In this a concrete jungle* (Bob Marley & The Wailers. “Concrete Jungle”); *In New York, concrete jungle where dreams are made, oh // There's nothing you can't do* (JAY-Z. “Empire State of mind” lyrics) и т.д.

Изучение этих новых ‘скелетных’ форм в структуре метафорического концепта (*NEW YORK)CITY IS JUNGLE* и их вербального наполнения, а также образуемого ими идеографического поля, определяет дальнейшее направление исследований избранной проблемы.

**Таблица. ФРЕЙМОВАЯ СТРУКТУРА МЕТАФОРИЧЕСКОГО
КОНЦЕПТА CITY IS JUNGLE**

Мегафрейм А <u>ПРОСТРАНСТВО БОРЬБЫ ЗА ВЫЖИВАНИЕ</u>				Мегафрейм В <u>ВИЗУАЛЬНЫЙ</u>	
Фрейм I	Фрейм II	Фрейм III	Фрейм IV	Фрейм V	Фрейм VI
<u>БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ</u>	<u>ПРОСТРАНСТВО ОПАСНОСТИ</u>	<u>РАЗМЕР</u>	<u>АБРИС</u>	<u>ПЛОТНОСТЬ</u>	<u>ДОМИНИРУ ЮЩАЯ МАТЕРИАЛ БНАЯ СУБСТАНЦ ИЯ</u>
				субфрейм 7 AGGLOMER ATION	субфрейм 8 JUMBLE
субфрейм 1: ВЫЖИВАНИЕ КОНКУРЕНЦИ Я, ВРАЖДА	субфрейм 3: ВРЕМЯ, КОГДА ОПАСНОСТЬ НАИБОЛЕЕ РЕАЛЬНА				субфрейм 9: ASPHALT JUNGLE
субфрейм 2: МЕСТО НАИБОЛЕЕ АКТИВНОГО ПРОТИВОСТО ЯНИЯ	субфрейм 4: ЛОКУС НАИБОЛЬШЕЙ ОПАСНОСТИ				субфрейм 10: NEON JUNGLE
субфрейм 5: ИСТОЧНИК ОПАСНОСТИ / УГРОЗЫ					субфрейм 11: CONCRETE JUNGLE
субфрейм 6: СПОСОБ ИЗБЕЖАТЬ ОПАСНОСТИ					

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абашев В.В. Геопозитический взгляд на историю литературы Урала / В.В. Абашев // Литература Урала: история и современность. – Екатеринбург, 2006. – С. 17- 29.
2. Белова Н.А. Концепт «город» в современном литературоведении / Н.А. Белова // Вестник Югорского гос. ун-та. – 2012. – Вып. 1 (24). – С. 87-91.
3. Бодрийяр Ж. Америка / Жан Бодрийяр, [пер. Д. Калугина]. – СПб. : «Владимир Даль», 2000. – 206 с.
4. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2004. – № 1. – С. 18-35.
5. Будаев Э.В. Становление когнитивной теории метафоры / Э.В. Будаев // Лингвокультурология. – Вып. 1. – Екатеринбург, 2007. – С. 19-35.
6. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация : пер. с англ. / Т.А. ван Дейк; сост. В.В. Петрова, под ред. В.И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1998. – 310 с.
7. Вальденфельс Б. Одновременность неоднородного. Современный порядок в зеркале большого города / Бернхард Вальденфельс // Логос. – 2002. – № 3-4. – С. 332-350.
8. Воякина Е.Ю. Ономастическая метафора в экономическом дискурсе : автореф. дисс. на соискание уч. степ. канд. филол. н. : 10.02.19 / Е.Ю. Воякина. – М., 2011. – 20 с.
9. Гудков Л.Д. Метафора / Л.Д. Гудков // Культурология. XX век: Словарь. – СПб. : Университетская книга, 1997. – С. 274-277.
10. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – [2-е изд.]. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
11. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
12. Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М. : Академия, 2004. – 208 с.
13. Матвеева И.В. Культурный и образный мир языка писателя : На материале произведений Сергея Довлатова : дисс. на соискание уч. степ. канд. филол. наук : 10.02.01 / И.В. Матвеева. – Орел, 2004. – 175 с.
14. Меднис Н.Е. Феномен сверхтекста [Электронный ресурс] / Н.Е. Меднис; код доступа: zsliterature.ucoz.ru/.../mednis_n-e-fenomen_sverkhsteksta.doc
15. Одум Ю. Экология: в 2-х т. / Юджин Одум; [пер. с англ.]. – М. : Мир, 1986. Т. 1. – 328 с. Т. 2. – 376 с.

16. Поселягин Н. Антропологический поворот в российских гуманитарных науках [Электронный ресурс] / Николай Поселягин; код доступа : www.nlobooks.ru/node/1739
17. Соснин А.В. Альтернативные модели описания метафорических процессов в языке / А.В. Соснин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – № 1. – С. 69-72.
18. Соснин А.В. Средства вербализации концепта «Лондон» в английском культурном пространстве: монография / А.В. Соснин; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Н. Новгород : ООО «Стимул-СТ», 2011. – 280 с.
19. Трубина Е. Джунгли, базар, организм и машина: классические метафоры города и российская современность [Электронный ресурс] / Елена Трубина ; код доступа: magazines.russ.ru/nz/2010/2/tr20.html
20. Устарханов Р.И. Метафтонимия в английском языке: интерпретационно-когнитивный анализ ; автореф. дисс. на соискание уч. степ. канд. филол. наук : 10.02.04 / Р.И. Устарханов. – Пятигорск, 2006. – 20 с.
21. Чудинов А.П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А.П. Чудинов. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 256 с
22. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991- 2000): монография / А.П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.
23. Чудинов А.П., Будаев Э.В. // Новый филологический вестник. – 2007. – Т. 4. – Вып. 1; код доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-evolyutsiya-kognitivnogo-podhoda-k-metafore#ixzz2iwOR7Muy>
24. Шарманова О.С. Метафтонимия как концептуальное взаимодействие метафоры и метонимии / О.С. Шарманова // Вестник Иркутского госуд. лингв. ун-та. Серия: Филология. – 2011. – № 1 (13). – С. 194-200.
25. Шевченко А.В. Тематическое своеобразие песенных текстов как способ реализации функций жанров песенного дискурса / А.В. Шевченко // Известия Российск. госуд. ун-та имени А.И. Герцена. – 2009. – № 115. – С. 242-249.
26. Black M. More about metaphor / M. Black // Metaphor and thought. – Cambridge : Cambridge University Press, 1979. – P. 19-45.
27. Goossens L. Metaphtonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action / Louis Goossens // R. Dirven & R. Pörings (eds.). Metaphor and metonymy in comparison and contrast. – Berlin, N.Y. : Mouton de Gruyter, 2002. – Pp. 349-377.
28. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor / George Lakoff // A. Ortony (ed.) Metaphor and Thought. – [2nd edition]. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – Pp. 202-251.
29. Langer P. Sociology. Four Images of Organized Diversity / P. Langer // Cities of the Mind: Images and Themes of the City in the Social Sciences / [eds. Hollister R.M., Rodwin L.]. – New York : Plenum Press, 1984. – P. 97-118.
30. Wirth L. On Cities and Social Life : Selected Papers / Louis Wirth. – Chicago: Lnd, 1964. – 388 p.
31. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]; код доступа: <http://dic.academic.ru/>
32. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]; код доступа: www.etymonline.com/